

УДК 811.11

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СУГГЕСТИИ В ТЕКСТАХ АНГЛОСАКСОНСКИХ ЗАГОВОРОВ

О. И. Просянникова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
кафедра иностранных языков

В статье рассматриваются выразительные средства синтаксиса в текстах англосаксонских заговоров. Суггестивный характер текстов определяется его прагматической направленностью и обеспечивается синтаксическими конструкциями – повторами, параллелизмами, полисиндетоном и другими приемами, создающими эффект суггестии.

Ключевые слова: фольклор, англосаксонские заговоры, суггестивный текст, экспрессивный синтаксис.

Заговоры относятся к так называемым «малым жанрам» фольклора и обладают особыми чертами, среди которых формульный характер текста отметил в своем определении этого типа текста В. П. Аникин: «Заговор есть традиционная ритмически организованная словесная формула, которую человек считал магическим средством для достижения различных практических целей» [1, с. 94]. Словесная формула считалась магической и предполагала сильное воздействие как на объект в виде злого духа, болезни и тому подобных явлений, так и на субъект, верующего в силу слова. В организации заговорного текста, помимо семантики, имеющей значение в достижении эффекта суггестии (внушения), и синтаксис играет первостепенную роль, определяя структуру этого типа текста. В настоящей статье речь пойдет об экспрессивных возможностях синтаксиса, которые в англосаксонских заговорах придают тексту суггестивный характер. Материалом анализа служат англосаксонские заговоры, включенные Ф. Грендоном в книгу “Anglo Saxon Charms” [10].

В древних оригинальных текстах заговоров сохраняется связь с языческим и раннехристианским мировоззрением, что позволяет судить о картине мира человека этого времени. Тексты заговоров представляют собой предмет духовной культуры народа и выявляют национально-культурный стереотип сознания в языке посредством лексики, синтаксиса, тропов и т. д.

Вера человека в магию, стремление подчинить себе с ее помощью различные явления отразились, в частности, в этих текстах, что определило их специфику как подчиненность словесных формул его прагматической направленности. По мнению Т. В. Топоровой, синтаксис в значительной степени определяет результат воздействия на объект, реализуя таким образом прагматическую направленность [6, с. 37].

Мифологическое сознание, свойственное древнему человеку и ориентированное на связь с виртуальной реальностью, по мнению Н. И. Коноваловой, создает модель взаимодействия с этой реальностью. Язык этой модели в виде сакрального текста выступает основным фактором создания эффекта суггестии, свойственной заговорам и являющейся ключевым признаком [4, с. 68]. В ходе заклинания про-

исходит акт воздействия, внушения в успешности достижения желаемого. Таким образом, многие авторы относят заговоры к универсальным суггестивным текстам, что справедливо [7]. Эффект такого воздействия может достигаться различными средствами. Среди них можно выделить синтаксические выразительные средства: параллельные конструкции, многосоюзие, повторы. Все они усиливают динамичность, экспрессивность, придавая тексту определенную ритмичность, а по мнению психолингвистов, именно ритмизованный текст обладает эффектом внушения (суггестии) [2; 8]. При условии значительного количества повторов, с одной стороны, задается ритм как динамический фактор текстообразования, а с другой стороны, усиливается эффект внушения [2]. В заговоре как суггестивном тексте представлен прагматический коммуникативный акт, в котором субъект (заклинатель или тот, кому передана роль заклинателя) обращается к различным магическим персонажам или предметам, чтобы добиться желаемого. И в восприятии этого субъекта надо как можно эффективнее воздействовать на ситуацию, используя различные языковые средства.

Являясь особым типом текста, который характеризуется ритмически организованной словесной формулой, заговор обладает своими синтаксическими маркерами. Стилистический потенциал выразительности синтаксиса составляют экспрессивные возможности инверсии, синтаксические построения в виде повторов, перечислений, сравнительных конструкций, а также сложные предложения с избыточным употреблением союзов и другие синтаксические структуры. Синтаксические стилистические средства придают тексту не только экспрессивность, но и создают смысловое единство, целостность и связность композиционной структуры, что в конечном итоге приводит к реализации прагматической установки текста.

Характерной чертой проанализированных текстов является параллелизм, представленный моделями с одинаковым синтаксическим построением, в которых подобные структуры следуют близко друг за другом на протяжении всего текста, либо в пределах определенной его части. Функционально такой прием упорядочивает композицию, симметрично выстраивая смысловые единства, организующие весь текст. Предложения, представленные ниже, располагаются в первой части заговора “*Wīð Færstice*” («Против острой боли») и, с одной стороны, являясь восклицательным предложением, создают акцент в ритме всего текста, с другой стороны, выполняют соединительную функцию.

“*Ūt, lȳtel spere, gif hēr inne sie!*
Ūt, lȳtel spere, gif hit hēr inne sȳ!
Ūt, lȳtel spere, gif hēr inne sȳ!” [10, p. 164].
 («Прочь маленькое копьё, если ты внутри!»)

В этих предложениях наблюдается полная параллельная конструкция, в которой изменения присутствуют только в финальной позиции, где глагол *bēon* – «быть» стоит в различных формах (*sie, sȳ*).

Ведущей чертой стилистического синтаксиса в заговорах является лексический повтор, который, будучи дополнительным синтаксическим средством, как правило, сопровождает параллельную конструкцию и формирует ее:

(1) “*E̅astweard ic stande, ārena ic mē bidde,*
bidde ic ðone mæran domine, bidde ðone miclan ndrihten,
bidde ic ðone hāligan heofonrīces weard,
eorðan ic bidde and ūpheofon,
and ðā sōþan sancta Marian,

and heofones meahht and hēahreced
þæt ic mōte þis gealdor mid gife drihtnes
tōðum ontȳnan...” [Ibid., p. 174].

(«Я обращаю лицо к Востоку / И молю оказать мне услугу. / Молю тебя, Господь мой, славный и великий, / Молю тебя, святой хранитель небес, / Молю тебя земля и молю тебя небо, / Молю пресвятую Деву Марию / И силу небес могучих / Благодатью Господа я воздаю вам хвалу».)

(2) “**Ðū miht** wið III and wið XXX,
þū miht wið āttre and wið onflyge,
þū miht wiþ þām lāþan, ðe geond lond færð” [Ibid., p. 190].

(«Ты сильна против трех и тридцати, / ты сильна против яда и против болезней, / ты сильна против зла, которое бродит повсюду».)

Повтор предиката (**bidde, miht**) придает большую убежденность и уверенность действиям, которые посредством этого предиката выражены.

Одна из моделей лексико-синтаксического повтора реализуется в идентичной синтаксической структуре предложения (oððe wære on) и в эпифоре, при которой каждая фраза заканчивается повтором глагола:

“Gif ðū wære on fell **scoten**, oððe wære on flæsc **scoten**,
oððe wære on blōd **scoten**, oððe wære on bān **scoten**,
oððe wære on lið **scoten**, nāfre ne sȳ ðin lif ātāsed!”
[Ibid., p. 164].

(«Если попали тебе в кожу, если попали тебе в плоть, если попали тебе в конечность, если попали тебе в кость, пусть жизнь твоя не прервется!»)

Повторы с предлогами и отрицательными конструкциями, выполняя формальную функцию связывания предложений, придают тексту эмоциональность и выразительность, наращивая смысловой потенциал заговора:

“Ic mē on þisse gyrde belūce, and godes helde bebēode
wið ðane sāra stice, **wið** ðane sāra slege,
wið ðane grymman gryre,
wið ðane micelan egsan, þe bið ēghwām lāð,
and **wið** eal þæt lāð, þe intō land fare” [Ibid., p. 176].

(«Защищаю себя этим мечом и отдаю милости Господа против мучительной боли, против внезапной болезни, против боязни жестокости, против ужасающей необъятности всего отвратительного и против всего, что ненавистно, что может прийти на эти земли».)

В повторяющихся предложных сочетаниях wið – «против» усиливается суггестивный момент, направленный на достижение желаемого.

Отрицательные конструкции как прием выполняют различные функции, в том числе уничтожение злых духов. В смысловом плане отрицание является желанием откреститься, освободиться отгородиться от так называемого антимира, представленного злыми духами и черными силами [5, с. 343–346]:

“Ic benne awrāt betest beadowræda,
swā benne **ne burnon, ne burston**,
ne fundian, ne feologan,
ne hoppetan, ne wund wāco sian,
ne dolh, dīopian” [10, p. 194].

(«Я венком повязал все лечащие амулеты, чтоб раны никогда не горели, не вскрывались, не ухудшались, не увеличивались, не нарывали, не гноились, не становились глубже».)

“Hwæt, eorðe mæg wið ealra wihta gehwilcem
and with andan, and wið æminde,
and wið þā micelan mannes tungan” [Ibid., p. 168].

(«Я ставлю ногу, я подмял их. Земля сильна против любого существа, и против ненависти, и против беспамятства, и против злых языков».)

Многосоюзиe (полисиндетон), также часто используемое в текстах заговоров, функционально несет важную нагрузку: задает ритм, связывает текст, усиливает интонационный рисунок и в конечном счете осуществляет воздействие, то есть создает суггестивный эффект:

“Erce, Erce, Erce, **eorþan** mōdor,
geunne þē sē alwalda, ēce drihten
æscera wexendra **and** wrīdendra,
æcniendra **and** elniendra,
sceafta scīra hersewæstma,
and þære brādan berewæstma,
and ðære hwītan hwætewæsma,
and ealra eorþan wæstma” [Ibid., p. 174].

(«Эрке, Эрке, Эрке, мать Земли, / Будь благословенна, земля, мать людей! / Цветущими полями и почвами благородными, / Богатыми урожаями проса, ячменя и пшеницы / И всеми другими урожаями на всей земле».)

“...**and** ðū h̄ scealt niman þonne sē mōna bið nigon nyhta eald, **and** endlyfon nihta, **and** ðrēott̄yne nyhta, **and** ðritting nihta, **and** ðonne h̄ byð are nihte bald” [Ibid., p. 188].

(«...и ты должен взять ее (траву), когда луне будет девять ночей и одиннадцать ночей, и тринадцать ночей, и тридцать ночей и когда одна ночь».)

Отдельные тексты представляют собой конгломерат всех выразительных средств синтаксиса, как например, заговор “Wið Fēos Nimunge” («Против кражи скота»). В короткой метрической части присутствуют и многосоюзиe, и параллелизм. Такое сочетание нагнетает эмоциональный заряд и усиливает каждый элемент конструкции:

“Garmund, godes ðegen,
find þæt feoh and fere þæt feoh,
and hafa þæt feoh and heald þæt feoh,
and fere hām þæt feoh,
þæt h̄ nāfre nibble landed, þæt h̄ hit oðlāde,
ne foldan, þæt h̄ hit oðferie,
ne hūsa, þæt h̄ hit oðhealde” [Ibid., p. 180].

(«Гармунд, слуга Господа, найди тот скот и приведи тот скот, и владей тем скотом, и держи тот скот, и приведи тот скот домой, чтоб никогда он не имел земли, куда увести скот, земли, куда забрать, дома, где спрятать».)

Известно, что в древнеанглийском языке порядок слов в предложении не был строго регламентирован. Прямой порядок слов преобладал над обратным, который в некоторых случаях, в частности, в поэтических текстах использовался в стилистических целях [3, с. 145]. Инверсия как элемент создания экспрессивности и динамичности присутствует в различных конструкциях: «сказуемое, подлежащее» (1), «предлог, глагол» (2). Наиболее распространенным обратным порядком является вынесение обстоятельственных слов (ðonne тогда, ðær там) в начало предложения, а глагола-сказуемого в замыкающую позицию (ðonne ic þis āttor of ðē geblāwe) [9, p. 103].

В приводимом ниже примере присутствуют все перечисленные приемы инверсии:

“Hlūde wāran h̄y, lā hlūde, ðā h̄y ofer þone hlāw ridan;
wāran ānmōde, ðā h̄y ofer land ridan” [10, p. 164].

(«Громко, ох, как громко они в гору ехали, в ярости были, когда они по земле ехали».)

Подводя итог, следует отметить, что синтаксис является значительным маркером, определяющим характер жанрового текста заговора. Поскольку ключевым свойством заговора является прагматическая направленность, то цель такой установки – воздействие на объект и субъект заклинания путем создания эффекта суггестии (внушения). Этого эффекта можно достигать в том числе и синтаксическими средствами экспрессии, среди которых нами выделены параллельные конструкции и сопровождающие их дополнительные синтаксические повторы, а также прием инверсии и многосоюзи. Характерной чертой текстов заговоров являются параллельные конструкции и повторы. Они создают связность, цельность текста, динамичность, ритмичность, придают эмоциональность. Все это в совокупности порождает эффект суггестии как базового признака этого типа текста.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М.: Высш. шк., 2001. 725 с.
2. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. В. Болтаева; Уральский гос. ун-т. Екатеринбург, 2003. 19 с.
3. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1968. 419 с.
4. Коновалова Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2004. № 7. С. 67–75.
5. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
6. Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 216 с.
7. Черепанова И. Ю. Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И. Ю. Черепанова; Пермский ун-т. Пермь, 1992. 21 с.
8. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.
9. Crystal D. The Stories of English. Lnd.: Penguin Books, 2005. 584 p.
10. Grendon F. The Anglo-Saxon Charms. N.Y.: Columbia University, 1909. 134 p.

SYNTACTIC MEANS OF SUGGESTION IN ANGLO-SAXON SPELLS

O. I. Prosyannikova

Pushkin Leningrad State University
the Foreign Languages Department

The article deals with expressive means of syntax in the texts of the Anglo-Saxon spells. The suggestive nature of the texts is determined by its pragmatic orientation and

is provided by syntactic constructions – repetitions, parallelisms, polysindeton, and other techniques that create a suggestive effect.

Keywords: *folklore, Anglo-Saxon plots, suggestive text, expressive syntax.*

Об авторе:

ПРОСЯННИКОВА Ольга Игоревна – доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10), e-mail: olgapros@mail.ru.

About the author:

PROSYANNIKOVA Olga Igorevna – Doctor of Philology, Head of the Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University (196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10), e-mail: olgapros@mail.ru.